

ГЛАВА 2

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ

Курмайёр, Италия, 2008 год

В целях безопасности Организация Объединенных Наций действовала как можно незаметнее. Для проведения Международной конференции по организованной преступности в сфере искусства и древностей было забронировано сто шесть номеров на богатом итальянском лыжном курорте у подножия Монблана, высочайшей вершины Западной Европы. Мероприятие должно было пройти в спокойные выходные в середине декабря, между фестивалем фильмов нуар и традиционным открытием лыжного сезона. ООН позаботилась обо всем: перелетах с шести континентов, изысканных блюдах, трансфере из Женевы и Милана. Когда после полудня в пятницу автобусы выехали из аэропортов, землю уже укрыл тридцатисантиметровый слой свежего снега, и водителям пришлось надеть цепи, прежде чем двинуться в Альпы. Гости — ведущие мировые эксперты по преступлениям в сфере искусства — добрались к сумеркам. Они страдали от смены часовых поясов, но с нетерпением ждали начала саммита — первого по этой проблеме.

Я приехал вечером перед началом конференции. По дороге из Милана в Курмайёр моим спутником была женщина,

занимавшая высокий пост в ООН, одна из организаторов встречи. Она пригласила меня на ранний ужин. За столиком с нами сидел министр юстиции Афганистана, выпускник Оксфорда. Было слышно, как рядом высокопоставленный иранский судья рассказывает что-то министру культуры Турции. После ужина я пошел к бару, чтобы поискать старых знакомых.

Я заказал «Чивас Ригал» и полез в карман за несколькими евро. В растущей толпе я узнал Карла-Хайнца Кинда, долговязого немца, главу команды Интерпола по преступлениям в сфере искусства. Он держал в руке молочный коктейль и беседовал с двумя незнакомыми мне девушками. У камина я заметил Джулиана Рэдклиффа, чопорного британца, возглавляющего Art Loss Register — крупнейшую в мире частную базу данных похищенных произведений. Его слушал Нил Броди, знаменитый профессор археологии из Стэнфорда. Мне подали виски, и я достал список участников. Больше всего было европейцев, особенно итальянцев и греков. Неудивительно: там всегда выделяли большие ресурсы на борьбу с такого рода преступлениями. Я изучил менее знакомые, но любопытные имена и титулы: член Совета магистратуры Аргентины; иранец, которого я уже видел; ректор испанского университета; известный археолог из Греции; пара австралийских профессоров; ректор ведущего института криминалистики в Южной Корее; чиновники из Ганы, Гамбии, Мексики, Швеции, Японии и других стран. В списке была дюжина американцев, но почти одни ученые. Хороший показатель вялого отношения государства к проблеме. Правительство США не прислало никого.

Я недавно вышел в отставку и занялся вместе с женой бизнесом по охране произведений искусства. Меня пригласили выступить потому, что, в отличие от остальных участников ооновской конференции, я двадцать лет проработал в этой сфере следователем. Другие докладчики будут рассказывать о статистике, международном законодательстве и сотрудничестве, излагать официальные позиции по хорошо знакомым

мне вопросам. Как обычно, скажут, что преступления в сфере искусства — бизнес размером шесть миллиардов долларов в год. Меня попросили выйти за пределы научных и дипломатических тем и рассказать, как на самом деле выглядит мир теневого искусства: какие люди крадут реликвии и древности, как они это делают и как мне удавалось вернуть похищенное.

Голливуд создал броский, насквозь фальшивый портрет этих преступников. Это, например, Томас Краун — тонкий ценитель, богатый, хорошо одетый джентльмен, который ворует ради интереса и способен обхитрить и даже соблазнить преследователей. Еще один голливудский герой — вор-форточник с Ривьеры, которого в фильме «Поймать вора» сыграл Кэри Грант. Доктор Ноу в первом фильме про Джеймса Бонда держал в секретном подводном логове украденный портрет герцога Веллингтона кисти Гойи. С преступниками борются такие же голливудские герои. Николас Кейдж в «Сокровище нации» — потомок одного из отцов-основателей, он разгадывает загадки и возвращает давно утраченные ценности. Харрисон Форд в роли Индианы Джонса в шляпе-федоре и с кнутом расшифровывает иероглифы, спасая Вселенную от нацистов и красной угрозы.

Многие похищения *действительно* впечатляют и подходят для киносценария. Во время бостонского ограбления преступники обманули ночных охранников музея Гарднер и обмотали их серебристым скотчем от глаз до лодыжек. В Италии один парень спустил рыболовную леску через слуховое окно музея, выудил картину Климта стоимостью четыре миллиона долларов и был таков. В Венесуэле воры проскользнули в музей ночью и заменили три картины Матисса такими качественными подделками, что обнаружили пропажу только через два месяца.

Однако предметы искусства редко крадут из любви к самому искусству или «из спортивного интереса». Сами преступники тоже редко напоминают голливудские образы. Это не миллионеры-отшельники, собравшие сногшибательную коллекцию в галерее с климат-контролем, за стальной дверью,

которая открывается потайной кнопкой в бюсте Шекспира. Те, кого я встречал за свою карьеру, были самыми разными людьми: богатыми, бедными, умными, глуповатыми, привлекательными, нелепыми. И почти все имели одну общую черту — животную алчность. Они крали ради денег, не ради прекрасного.

Во всех интервью, которые давал газетам, я подчеркивал: большинство похитителей быстро понимает, что *искусство не в том, чтобы украсть, а в том, чтобы сбыть краденое*. На черном рынке за похищенные произведения обычно дают всего десять процентов их реальной стоимости. Чем известнее картина, тем сложнее ее продать. Годы идут, воры приходят в отчаяние, им не терпится сбросить никому не нужное бремя. В начале 1980-х один наркоторговец не сумел найти покупателя для картины Рембрандта ценой в миллион долларов и продал ее секретному агенту ФБР за жалкие двадцать три тысячи. В Норвегии полицейский под прикрытием хотел выкупить «Крик» — всемирно известный шедевр Эдварда Мунка. Воры согласились на семьсот пятьдесят тысяч, хотя картина стоила семьдесят пять миллионов долларов.

Прекрасные картины и другие великие произведения всегда считали «бесценными», но их цена резко пошла вверх только в середине XX века. Эта эпоха началась в 1958 году, когда на престижном лондонском аукционе «Сотбис» «Мальчик в красном жилете» Сезанна был продан за шестьсот шестнадцать тысяч долларов. До этого за одну картину удавалось выручить не более трехсот шестидесяти тысяч, и сделка привлекла большое внимание прессы. К 1980-м за картины начали предлагать семизначные суммы и даже больше, и рекордные продажи почти всегда попадали на первые полосы газет, делая звездами давно умерших художников, особенно импрессионистов. Цены неуклонно росли и достигли девятизначных величин. В 1989 году музей Гетти в Лос-Анджелесе приобрел «Ирисы» Ван Гога за шокирующую тогда сумму: сорок девять миллионов долларов. На следующий год на аукционе «Кристис» другая картина

Ван Гог — «Портрет доктора Гаше» — ушла за восемьдесят два миллиона, а в 2004 году «Сотбис» снова вырвался вперед: за «Мальчика с трубкой» Пикассо заплатили аж сто четыре миллиона долларов. В 2006 году был побит и этот рекорд: Дэвид Геффен, заработавший состояние на рынке музыки, продал картину Поллока «№ 5, 1948» за сто сорок девять миллионов и «Женщину III» Кунинга за сто тридцать семь с половиной миллионов.

Вслед за ценами росло и число краж.

В 1960-х воры начали сметать произведения импрессионистов со стен музеев французской Ривьеры и итальянских собраний. Крупнейшим событием того периода стало похищение в 1969 году в Палермо картины Караваджо «Рождество со святым Франциском и святым Лаврентием». Кражи продолжались и в 1970-х, однако только в восьмидесятых и девяностых, после поразительных продаж Ван Гога, преступность в сфере искусства просто взлетела.

Дерзкое ограбление в 1990 году музея Гарднер — одиннадцать украденных шедевров, в том числе произведения Вермеера и Рембрандта, — ознаменовало начало эры дерзких нападений. Страдали музеи по всему земному шару, с 1990 по 2005 год было похищено картин на сумму более миллиарда долларов. Из Лувра в оживленное воскресенье после обеда было украдено произведение Коро. В Оксфорде посреди празднования Нового года вынесли Сезанна. В Рио — Матисса, Моне и Дали. В Шотландии бандиты, прикинувшись туристами, похитили из замкового музея шедевр да Винчи. Музей Ван Гога за одиннадцать лет пострадал дважды.

Почувствовав, что меня после перелета тянет спать, я допил виски и отправился в свой номер.

На следующее утро я пораньше пришел в гостиничный конференц-центр, чтобы занять хорошее место на вступительной сессии. Держа программу и чашку крепкого итальянского кофе, я надел беспроводные наушники и приготовился слушать

перевод первого выступления. Стефано Манакорда из Второго университета Неаполя — выдающийся итальянский профессор юриспруденции с растрепанными черными волосами и широким фиолетовым галстуком — полистал заметки и откашлялся. Начал он с резкой оценки, которая задала тон всему мероприятию:

— Преступность в сфере искусства приняла масштабы эпидемии.

Конечно, он прав. По словам Манакорды, упомянутые шесть миллиардов долларов в год, вероятно, заниженная оценка, основанная на данных всего лишь трети из ста девяноста двух государств — членов ООН. Если говорить о международной преступности, похищения произведений искусства и древностей занимают четвертое место после наркотиков, отмывания денег и торговли оружием. Масштабы варьируются в зависимости от страны, но можно смело сказать, что цифры растут, а меры по борьбе с преступностью недостаточны. Все, что питает всемирную экономическую революцию, — интернет, эффективная доставка, мобильные телефоны, реформа таможи, особенно в рамках Европейского союза, — одновременно облегчает контрабанду и продажу украденных ценностей.

Как и многие другие международные преступления, нелегальная торговля произведениями искусства и древностями нуждается в тесных связях между обычным и теневым миром. Легальный рынок достигает десятков миллиардов долларов в год, и приблизительно сорок процентов продаж приходится на США. Поскольку на кону такие огромные суммы, ходовые предметы привлекают различных отмывателей денег, сомнительных владельцев галерей и арт-брокеров, торговцев наркотиками, транспортные компании, нечистоплотных коллекционеров, а иногда и террористов. Преступники пользуются картинами, скульптурами и статуями в качестве обеспечения для сделок с оружием, наркотиками и для легализации доходов. Искусство и древности, особенно небольшие предметы, которые можно пронести в чемодане, легче провезти через границу, чем наличные

и наркотические вещества, а потом их можно конвертировать в любую валюту. Таможенникам сложнее работать с такого рода контрабандой: она менее очевидна, чем наркотики, пистолеты и пачки банкнот. Предметы, полученные в результате мародерства и краж, быстро перевозят в поисках новых рынков сбыта: половину возвращенных ценностей обнаруживают уже за рубежом.

В газетах пишут прежде всего о нападениях на музеи, но это лишь десятая часть всех преступлений в сфере искусства. На конференции в Курмайёре были показаны данные Art Loss Register, согласно которым пятьдесят два процента украденных произведений были похищены из частных домов и организаций почти или совсем без огласки. Еще десять процентов крадут из галерей, восемь — из церквей. Остальное в основном испаряется с мест археологических раскопок.

Пока один из дипломатов разглагольствовал о редко применяемом дополнении к одному трактату пятидесятилетней давности, я изучил данные Интерпола в полученном пакете материалов. Мне попался на глаза график географического распределения преступлений. Посмотрев на него еще раз, я снял наушники: если верить Интерполу, то семьдесят четыре процента преступлений в сфере искусства совершается в Европе. Семьдесят четыре! Это же невозможно! На самом деле эта цифра показывает только то, в каких странах хорошо ведут статистику. Это, в свою очередь, может отражать реальный интерес государства к борьбе с такими преступлениями. Разница между соответствующими органами бывает поразительной. Во Франции — в Париже — преступлениями в сфере искусства занимается тридцать сотрудников под началом полковника Национальной жандармерии. Скотланд-Ярд выделил для этих целей дюжину постоянных работников, а также поддерживает контакты с искусствоведами и антропологами, чтобы детективы в ходе работы могли с ними консультироваться. Италия, вероятно, делает больше всех. Там действует очень уважаемый и активный отдел по искусству и древностям: три сотни человек во главе

с генералом Джованни Нистри. В Курмайёре генерал Нистри заявил, что Италия выделяет на борьбу с преступлениями в сфере искусства примерно те же средства, что и Управление по борьбе с наркотиками США: вертолеты, «киберищеек», даже подводные лодки.

После обеда один из высоких чинов ООН, Алессандро Кальвани, призвал другие страны последовать примеру Италии и предложил провести международную пиар-акцию, чтобы донести до общества ущерб, который наносит истории и культуре эта преступность. В пример он привел успешные пропагандистские кампании о вреде табакокурения, минах, ВИЧ и нарушениях прав человека, связанных с торговлей алмазами.

— В результате правительства были вынуждены действовать под давлением общественного мнения, — сказал он. — Многие не воспринимают преступления в сфере искусства как преступления, а без этого нельзя заручиться народной поддержкой.

Эта ситуация, несомненно, имеет место в США. По всей стране такого рода преступностью занимаются считанные детективы. Несмотря на громкие заголовки и шумиху на телевидении после каждого похищения, большинство полицейских управлений не выделяет на расследование должных ресурсов. Департамент полиции Лос-Анджелеса — единственный в стране, где есть постоянный следователь по подобным делам. В большинстве городов сотрудники общих отделов по борьбе с кражами просто назначают награду в надежде соблазнить ею воров. ФБР и Иммиграционная и таможенная полиция США имеют юрисдикцию над преступлениями в сфере искусства, но выделяют на борьбу с ними мало средств. В ФБР в 2004 году для этих целей была создана специальная команда. Работал в ней всего один постоянный агент под прикрытием: я. Теперь я вышел в отставку, и не осталось никого. Команда существует, но руководит ею археолог по образованию, а не агент ФБР. Еще там сильная текучка кадров. Почти все из восьми сотрудников, которых я готовил в 2005 году, к 2008 году перешли в другую сферу, чтобы

продвинуться по карьерной лестнице. Я их не виню, но из-за этого не получилось создать подготовленный, слаженный отдел, обеспечить преемственность.

США — не единственная страна, которую на конференции призывали активнее трудиться. Для большинства государств, за несколькими примечательными исключениями, борьба с преступлениями в сфере искусства просто не в приоритете. Как сказал гостям саммита один из итальянцев, «мы имеем дело с парадигмой коллективного невыполнения обязательств».

Пообедав сырным супом и эскалопом из индейки с легким розовым вином, мы выслушали пару австралийских ученых, которые сделали обзор по теме мародерства. Эта тема была мне не в новинку, но я с удовольствием послушал незападную точку зрения на этом переполненном европейцами мероприятии. Глупо пытаться решить глобальную проблему, игнорируя культурные различия. В некоторых странах третьего мира нелегальная торговля предметами искусства и древностями негласно считается возможностью дать толчок экономике. Уязвимы разрываемые войной регионы, где законы не действуют в полную силу. В Ираке, например, исторические памятники — один из немногих ценных местных товаров (причем украсть их легче, чем нефть). В менее опасных, но бедных странах, например Камбодже, Эфиопии и Перу, мародеры превратили места археологических раскопок в настоящий лунный пейзаж, а местные власти не всегда рассматривают деятельность черных копателей как преступление против истории и культуры, иногда для них это экономический стимул. Как отметили докладчики, копают отчаявшиеся местные безработные, пытаясь превратить вещи из могил умерших предков в пищу для своих голодающих семей. На конференции эта мысль вызвала причитания политкорректных дипломатов. Они так жаловались на коррумпированных местных чиновников, что я невольно хихикнул, когда директор Кенийского национального музея Джордж Окелло Абунгу поднялся и выступил с ответной репликой.

— Не спешите судить коррумпированных таможенников, — сказал он. — Не забывайте, что взятки им дают как раз люди с Запада.

На преступления в сфере искусства и древностей смотрят сквозь пальцы отчасти потому, что они вроде бы обходятся без жертв. Я лично спасал национальные сокровища на трех континентах и могу поручиться, что это близорукий подход. Многие из похищенных произведений стоят гораздо больше своей цены. Это документальные следы нашей общей человеческой культуры. За десятки и сотни лет владельцы предметов могут меняться, однако великие произведения принадлежат нам всем, нашим предкам и будущим поколениям. Для некоторых находящихся под угрозой и угнетенных народов их искусство зачастую — единственное оставшееся выражение культуры. Похитители крадут не просто красивые вещи, а память и идентичность. Они воруют историю.

Когда речь заходит о высоком искусстве, американцев считают некультурным народом. Они якобы пойдут скорее не в музей, а на бейсбольный матч. Но, как я объяснял зарубежным коллегам, статистика опровергает стереотипы. Американцы ходят в музеи чаще, чем на спортивные состязания. В 2007 году больше людей посетило музеи Смитсоновского института в Вашингтоне (24,2 миллиона), чем игры Национальной баскетбольной ассоциации (21,8 миллиона), Национальной хоккейной лиги (21,2 миллиона) и Национальной футбольной лиги (17 миллионов). В Чикаго городские музеи ежегодно посещает восемь миллионов человек: это больше, чем суммарное за сезон число зрителей на матчах местных бейсбольных команд: Bears, Cubs, White Sox и Bulls.

Приближалось время моей презентации, и я подумал, что всех выступающих можно распределить по трем «ящикам»: ученые, юристы и дипломаты. Ученые фонтанировали статистикой и теоретическими диаграммами. Юристы рассказывали смертельно скучные, похожие на пересказ законов истории о международных

трактатах, связанных с кражей предметов искусства. Дипломаты были бесполезны. Они выглядели безобидно и призывали к благородному сотрудничеству, но при этом имели, похоже, две истинные цели. Во-первых, никого не задеть. Во-вторых, составить пресное заявление для какого-то из ооновских комитетов. В общем, никаких действий.

Где же страсть?

Мы так любим искусство, потому что оно задевает глубокие струны в каждом из нас, от восьмилетнего ребенка до восьмидесятилетнего старика. Простое действие — нанести краску на холст или превратить железо в скульптуру — чудо человеческого разума. Оно создает универсальные связи независимо от того, кто этим занимается: французский мастер или первоклашка. Искусство всегда пробуждает эмоции и чувства.

Именно поэтому, когда кто-то крадет произведение искусства или грабит памятники в древнем городе, лишая его души, мы ощущаем насилие над собой.

Я ждал окончания выступления шефа Интерпола, чтобы начать свою презентацию, и смотрел на собравшихся в зале высоких гостей. Снег уже дошел до окон. Я погрузился в дрему. «Как получилось, — думал я, — что сын сироты из Балтимора и японской делопроизводительницы сидит здесь как лучшая в стране ищейка по преступлениям в сфере искусства?»

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks